

Санников Сергей Викторович

ПОТЕСТАРНЫЕ АРХЕТИПЫ РИМСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ МИФОЛОГИИ: ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ

На основании анализа письменных памятников эпохи поздней античности и раннего Средневековья, содержащих описание мифологических фигур правителей, автором выделяются потестарно-мифологические образы, условно характеризуемые как проводник, мудрец, праведник, защитник, герой, жертва. Данные фигуры сопоставляются с архетипами коллективного бессознательного, выявленными К. Г. Юнгом, такими как Анимус, Отец, Самость, Тень и др. Выполненный анализ позволяет говорить об определяющем значении данных архетипов для формирования образа власти рассматриваемого периода.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/45.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 2 (40): в 2-х ч. Ч. I. С. 164-166. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2014/2-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

INTERPRETATION OF POST CARDS IN EXHIBITION SPACE

Sambur Marina Vladimirovna
Khimki Picture Gallery named after S. N. Gorshin
mvsambur@yandex.ru

The article is devoted to the problem of post cards interpretation in exhibition space. The subject matter, approaches, problems of exhibiting the post card as a museum object by the example of specific exhibitions are analyzed. The estimation of deltiologists' contribution to the creation of post card exhibitions is given. The methods of demonstrating this type of display items based on the post card comprehensive review as a historical source are suggested.

Key words and phrases: post card; interpretation; exposition; exhibitions; museum of post cards.

УДК 008(091)

Культурология

На основании анализа письменных памятников эпохи поздней античности и раннего Средневековья, содержащих описание мифологических фигур правителей, автором выделяются потестарно-мифологические образы, условно характеризуемые как проводник, мудрец, праведник, защитник, герой, жертва. Данные фигуры сопоставляются с архетипами коллективного бессознательного, выявленными К. Г. Юнгом, такими как Анимус, Отец, Самость, Тень и др. Выполненный анализ позволяет говорить об определяющем значении данных архетипов для формирования образа власти рассматриваемого периода.

Ключевые слова и фразы: мифология; архетип; образ власти; культура раннего Средневековья.

Санников Сергей Викторович, к.и.н.

Сибирский институт международных отношений и регионоведения

Sannikov_SV@yahoo.com

**ПОТЕСТАРНЫЕ АРХЕТИПЫ РИМСКОЙ И ГЕРМАНСКОЙ МИФОЛОГИИ:
ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДПОСЫЛОК
РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ В РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОМ ОБЩЕСТВЕ[©]**

Архаическая сакральная мифология содержит комплекс представлений о сверхъестественном происхождении публичной власти, наиболее ярко выраженный в мифах о правлении богов среди людей, что, по всей видимости, отражает индоевропейскую мифологическую модель происхождения власти. В рамках данной потестарной мифологии представляется возможным проследить определенные архетипы власти, которые составляют основу легендарных образов правителей и героев. Принимая за основу позицию автора концепции архетипов К. Г. Юнга о том, что «в истории народов архетипы встречаются в виде мифов» [5, с. 38], отметим, что достаточно информативным с точки зрения изучения потестарных архетипов является позднеантичный и раннесредневековый эпос, содержащий значительный объем мифологической составляющей.

Рассматриваемые архетипы в рамках настоящего исследования понимаются как установки психической деятельности, врожденные и унаследованные формальные условия функционирования образов бессознательного, ассоциируемые с комплексом отношений социального господства и подчинения [3, с. 34]. Выполненный анализ образов власти на материале позднеантичных и раннесредневековых памятников с использованием методов семиотики, аналитической психологии и феноменологии позволил выявить следующие верифицируемые фигуры:

Искатель (проводник) – мифологическая фигура, в которой прослеживается проекция архетипа мужского душевного начала, обозначенного К. Г. Юнгом как Анимус. Характерно, что в греческой мифологии данный архетип «представлен Гермесом, посланцем богов – в сновидениях он обычно является проводником-помощником» [2, с. 41]. В рамках средневековой североевропейской мифологической традиции черты фигуры данного рода могут быть отмечены в образе Одина, мифологического правителя Асгарда, который направился со своим народом в поход в северные страны, основав там свои владения. Воплощением эпического героя, который выражает качества, присущие данному архетипу, является «роком ведомый» Эней, покинувший Троию, которого в течение многих лет носит «по волнам морским и по суше» [1, с. 156].

Праведник воплощает собой фигуру, призванную противостоять хаосу, выступать восстановителем порядка вещей, справедливости, привлекая помощь сверхъестественных сил. Праведник выступает таковым на фоне нарушения высшего сакрального порядка, порождающего неполноценный, порочный характер существующих общественных отношений. Это дает основания полагать, что рассматриваемая мифологическая фигура праведника носит отпечаток архетипа, охарактеризованного К. Г. Юнгом как «Самость».

В эпическом образе Энея явно представлены черты потестарно-мифологической фигуры праведника – во многих фрагментах произведения герой получает характеристику «благочестивый Эней» [Там же, с. 145]. В рамках германского эпоса данный архетип прослеживается как в эпических произведениях, имеющих истоки к дохристианской культуре (например, в Беовульфе – своего рода «кодексе чести» германского

нобилитета вендельского периода), так и в памятниках христианской историографии эпохи Меровингского Возрождения (в полной мере данный потестарно-мифологический архетип прослеживается в образе Хлодвига в «Истории» Григория Турского).

Герой может считаться одной из наиболее ярких фигур, носящих черты архетипа в эпосе и потестарной мифологии. Данная фигура имеет амбивалентный характер, содержа в себе сочетание светлого и темного начал и испытывая, по всей видимости, значительное влияние архетипа Тени, являющегося выражением стихийно-инстинктивного, темного начала человеческой психики. Героическая составляющая нередко связана с манифестацией в человеке животного начала, которая повергает окружающих в состояние ужаса. Описание такого рода метаморфоз достаточно ярко представлено в описании воинов мифологического бога Одина в «Саге об Инглингах»: «Один мог сделать так, что в бою его недруги становились слепыми или глухими или наполнялись ужасом, а их оружие ранило не больше, чем хворостинки, и его воины бросались в бой без кольчуги, ярились, как бешеные собаки или волки, кусали свои щиты, и были сильными, как медведи или быки. Они убивали людей, и ни огонь, ни железо не причиняли им вреда» [4, с. 13]. Сопоставимый характер носит описание обороны Трои воинами Энея: «Яростью я их зажег. И вот, точно хищные волки в черном тумане, когда ненасытной голод утробы стаю вслепую ведет, а щенки с пересохшею глоткой ждут по логовам их, — мы средь вражеских копий навстречу гибели верной бредем по срединным улицам Трои» [1, с. 166].

Потестарно-мифологическая фигура героя во многих своих составляющих близка фигуре праведника, но что указывает совмещение данных ипостасей в образе Энея: «Нашим царем был Эней: справедливостью, храбростью в битвах и благочестьем никто не мог с ним в мире сравниться» [Там же, с. 151]; «О троянский герой, вознесен ты молвою, но выше мощью в бою вознесен! Чему нам прежде дивиться, что прославлять: справедливость твою или подвиг твой трудный?» [Там же, с. 356]. При этом необходимо отметить, что фигура «героя» во многих случаях сопоставима с фигурой «защитника», однако данные мифологические образы не тождественны, что находит подтверждение в примере эпического тандема Хродгар (защитник) – Беовульф (герой).

Мудрец (мудрый старец) – образ, который может считаться манифестацией архетипа, охарактеризованного К. Г. Юнгом как «Дух» или «Смысл». Рассматриваемый архетип прослеживается в германском потестарно-мифологическом образе Одина как носителя сакрального знания, позволявшего ему обретать власть над миром живых и мертвых. В качестве составляющих данного образа выступают способности понимать язык животных (прежде всего, птиц), общаться с мертвыми и представителями других миров, учить, а также устанавливать законы. Как отмечает К. Г. Юнг, мудрый старец «для достижения своих целей... как правило, пользуется помощью животных, в особенности птиц» [5, с. 153]. Образ мудрого правителя преклонного возраста широко представлен в эпосе «Беовульф», в которой мудрость выступает одной из составляющих сакральной харизмы конунга.

В «Энеиде» потестарно-мифологический архетип мудреца представлен фигурой «родителя Анхиза», отца Энея, после смерти которого Эней принимает на себя многие его функции. При этом самому Энею, обладающему божественным происхождением, приписывались сверхъестественные способности понимать язык птиц и толковать знамения богов: «Трои сын, глашатай богов! Ты Фебову волю видишь в движенье светил, в треножниках, в лаврах кларийских, птиц ты знаешь язык и приметы проворных пернатых» [1, с. 188]. Эней представлен мудрым устройтелем нового мира для потомков троянцев: «Быстрые наши суда уже давно стояли на суше, свадьбы справлять начала молодежь и всахивать нивы, я же строил дома и законы давал» [Там же, с. 183].

Жертва представляет собой специфический потестарно-мифологический образ, являющийся одним из многочисленных выражений архетипа Самости. Жертва может рассматриваться и как своеобразное наполнение, завершение жизненного пути фигуры Праведника. В качестве одной из ранних форм выражения данного архетипа представлен образ Одина, принесенного, согласно мифологическому преданию, в жертву самому себе.

Подобные сюжеты с принесением правителей в жертву в отдельных случаях находят эксплицитное выражение, как в случае с эпическим шведским конунгом Домальди, которого принесли в жертву на собрании хёвдингов в Уппсале, возложив на конунга вину за неурожайный год. В других случаях рассматриваемый архетип «жертвы» может быть идентифицирован по вторичным признакам, таким, как нелепость обстоятельств гибели эпического конунга, как, например, в случае гибели конунга Фьельнира, утонувшего в чане с медовухой, конунга Агни, повешенного за свое шейное украшение (гривну) на дереве, или шведского конунга Ванланди, которого насмерть затоптала финская колдунья. Данный архетип представлен и в античной культуре, например в образе последнего троянского царя Приама, который принимает смерть на жертвеннике во время захвата Трои врагами.

Защитник (Родитель) – потестарно-мифологическая фигура, содержательные черты которой испытывают влияние архетипов Анимуса (мужской манифестации правителя) и проекции Анимы («Царство Божие», «земля обетованная»). Наиболее полной формой выражения указанных составляющих может считаться рассмотренный К. Г. Юнгом миф о «золотом веке», в рамках которого правитель опекает своих подданных. Соответствие функций защитника и оплодотворителя земли может быть отмечено в образе бога Одина как эпического конунга Швеции, который должен был «защищать страну и приносить жертвы за урожайный год» [4, с. 15]. В рассматриваемом примере весьма показательно объединение функций защитника и оплодотворителя земли (родителя) в одном мифологическом образе. Большой интерес представляет проекция отца (оплодотворителя) на Энея, который во многих фрагментах произведения награждается именем отец (*pater*) [1, с. 227].

Таким образом, выполненный анализ позволил выявить не менее шести потестарно-мифологических образов, которые могут быть условно обозначены как проводник, мудрец, праведник, защитник, герой, жертва. Данные фигуры могут быть соотнесены с архетипами коллективного бессознательного, выявленными К. Г. Юнгом, такими, как Анимус, Отец, Самость, Тень и др. Выявленные архетипы широко прослеживаются в рамках римских и германских образов власти эпохи поздней античности и раннего Средневековья, что позволяет говорить об определяющем значении данных архетипов для репрезентации публичной власти рассматриваемого периода.

Список литературы

1. Вергилий. Буколики. Георгики. Энеида. М.: Художественная литература, 1979. 550 с.
2. Зеленский В. В. Толковый словарь аналитической психологии. М., 2008. 335 с.
3. Санников С. В. Образы королевской власти эпохи Великого переселения народов в западноевропейской историографии VI века. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. 212 с.
4. Снорри Стурлусон. Круг Земной / отв. ред. М. И. Стеблин-Каменский. М.: Наука, 1980. 687 с.
5. Юнг К. Г. Структура психики и архетипы / пер. с нем. Т. А. Ребеко. М.: Академический Проект, 2009. 303 с.

**POTESTAS ARCHETYPES OF ROMAN AND GERMANIC MYTHOLOGY:
FORMATION OF CULTURAL-HISTORICAL PRECONDITIONS
FOR POWER REPRESENTATION IN EARLY MEDIEVAL SOCIETY**

Sannikov Sergei Viktorovich, Ph. D. in History
Siberian Institute of International Relations and Regional Studies
Sannikov_SV@yahoo.com

On the basis of the written monuments analysis of the late antiquity epoch and early Middle Ages, containing the description of rulers' mythological figures, the author singles out potestas-mythological images conditionally characterized as guide, wise man, righteous man, defender, hero, and victim. These figures are compared with collective unconscious archetypes revealed by C. G. Jung, such as Animus, Father, Identity, Shadow and so on. The conducted analysis allows stating the determinative significance of these archetypes for the formation of the power image of the considered period.

Key words and phrases: mythology; archetype; power image; culture of early Middle Ages.

УДК 94(47).081

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу изменений правового статуса российского дворянства как в период, предшествовавший реформам 60-70-х гг. XIX века, так и в ходе преобразований. Автор рассматривает то, как происходило законодательное оформление основных прав и привилегий высшего сословия в дореформенную эпоху, какие из них были сохранены и какие отменены самодержавием в период отмены крепостного права и последующих реформ. Все это позволяет понять, какое место в сословной структуре российского общества занимало дворянство в переломный период.

Ключевые слова и фразы: дворянство; сословие; законодательство; потомственное дворянство; личное дворянство; поместное дворянство; дворянские корпоративные организации; отмена крепостного права; реформы 60-70-х гг. XIX века; самодержавие.

Селиверстова Наталья Матвеевна, к.и.н., доцент

Российский химико-технологический университет имени Д. И. Менделеева
nseliverstova@mail.ru

**ПРАВОВОЙ СТАТУС РОССИЙСКОГО ДВОРЯНСТВА
НАКАНУНЕ И В ПЕРИОД РЕФОРМ 60-70-Х ГГ. XIX ВЕКА[©]**

Судьба высшего сословия Российской империи претерпела кардинальные изменения в результате преобразований 60-70-х годов XIX века, и характер этих перемен во многом был тесно связан с изменением правового статуса высшего сословия в ходе реформ. Дворянство сохраняло за собой название благородного, привилегированного сословия, но его позиции, в том числе зафиксированный в законодательстве статус, претерпели существенные изменения. Поскольку само понятие сословия предполагает законодательное оформление прав и обязанностей определенной социальной группы, изменение юридического статуса этой группы означает трансформацию одной из её наиболее существенных характеристик. И тем большим интерес представляет тот момент в истории, когда происходит достаточно быстрое изменение правовых норм, характеризующих рамки основных, в том числе привилегированных сословий общества.

Одним из первых вопросов об изменении юридического статуса высшего сословия в ходе реформ 60-70-х годов XIX века поставил С. А. Корф в своей работе, посвященной истории дворянства в 1762-1855 годах [6]. В то же время хронологические рамки его исследования сами по себе не предполагали детального анализа этих изменений.

В ставшей классической монографии А. П. Корелина о дворянстве в пореформенной России содержится достаточно подробный разбор тех изменений, которые претерпело правовое положение высшего сословия. В то же время автор значительно большее внимание уделял изучению социально-экономического статуса дворянства в пореформенную эпоху. Он подчеркивал, что и после всех реформ дворянство сохраняло ведущую